

Timothy Snyder

Холокост: игнорируемая реальность

Хотя нынешняя Европа процветает, ее писатели и политики поглощены интересом к смерти. Массовое уничтожение мирных европейских граждан в 1930–1940-е годы постоянно упоминается в запутанных дискуссиях, касающихся исторической памяти, а отношение к тем событиям рассматривается в качестве возможной основы грядущей общеевропейской этики. Бюрократические машины нацистской Германии и Советского Союза перерабатывали индивидуальные жизни в массовую смерть, а отдельных людей — в строчки из квот на убийства. Советы скрывали многотысячные расстрелы в дремучих лесах и фальсифицировали статистику регионов, где население морили голодом; а немцы использовали труд рабов для того, чтобы закапывать тела евреев или сжигать их в гигантских печах. Историкам еще предстоит, причем самым скрупулезным образом, пролить свет на эти тени и эти жертвы. Мы пока не справились с такой задачей. Освенцим, преимущественно воспринимаемый как адекватный, или даже окончательный, символ злодейства массовых убийств, оказывается фактически лишь отправной точкой познания, намеком на окончательный расчет с прошлым, который еще предстоит сделать.

Те же факторы, которые формируют познания об Освенциме, искажают наше понимание Холокоста. Мы знаем об Освенциме потому, что там остались выжившие, а выживать удавалось благодаря тому, что он являлся не только "фабрикой смерти", но и трудовым лагерем. Среди тех, кто выжил, были преимущественно западноевропейские евреи, так как именно в этот лагерь их обычно отправляли. После Второй мировой войны евреи из Западной Европы могли писать и публиковать все, что хотели, тогда как выжившие в Восточной Европе, оказавшиеся за "железным занавесом", не могли этого делать. В итоге на Западе воспоминания о Холокосте стали, хотя это и происходило очень медленно, неотъемлемой частью исторического письма и общественного сознания.

Та форма истории выживших, самым известным примером которой стали работы Primo Levi, довольно неадекватно отражает реальность массовых убийств. "Дневник Анны Франк" касается сообщества ассимилированных европейских евреев, голландских и немецких, трагедия которых, несмотря на весь ее ужас, была лишь малой частью Холокоста. В 1943–м и 1944 годах, когда уничтожению подверглась большая часть западноевропейских евреев, Холокост был в значительной мере завершен. К концу 1942 года две трети евреев, которых убили во время войны, были уже мертвы. Основную долю тех жертв, а именно польских и советских евреев, расстреляли в траншеях или отравили угарным газом, вырабатываемым автомобильными

двигателями и закачиваемым в газовые камеры, в Трелин-ке, Белцеке и Собиборе в оккупированной Польше.

Принятие Освенцима в качестве символа Холокоста просто исключает тех, кто был в центре этих исторических событий. Ведь наибольшая группа жертв Холокоста — придерживавшиеся ортодоксальной веры и говорившие на идиш евреи Польши (в презрительном немецком определении — *Ostjuden*) — были культурно чужды жителям Западной Европы, включая западноевропейских евреев. В определенной степени память о Холокосте по-прежнему маргинализирует их. Лагерь уничтожения Освенцим-Биркенау был построен на территории современной Польши, хотя в то время она принадлежала германскому рейху. Таким образом, для современных посетителей Освенцима он ассоциируется именно с Польшей, хотя польские и советские евреи здесь почти не погибли. Две крупнейшие группы жертв выпадают из этого символа памяти.

В адекватной трактовке Холокоста его центральным событием следует считать операцию "Рейнхард" — уничтожение польских евреев в 1942 году. Польские евреи составляли самое большое еврейское сообщество в мире, а Варшава была наиболее важным еврейским городом. Эта община была истреблена в Трелинке, Белцеке и Собиборе. Почти 1,5 миллиона евреев были убиты в этих трех местах, из них около 780 863 в одной Трелинке. Лишь несколько десятков человек смогли выйти оттуда живыми. Белецк, который был крупнейшим местом Холокоста после Освенцима и Трелинки, вообще плохо известен. Между тем, около 434 508 евреев погибли на этой "фабрике смерти", и только двое или трое выжили. Еще около миллиона польских евреев были уничтожены в других местах, в Хелмно, Майданеке или Освенциме, а многие были расстреляны карательными отрядами в восточных областях Польши.

В целом же от пуль погибло столько же евреев, сколько было убито в газовых камерах, причем расстрелы происходили в основном на востоке, а это почти стерлось из нынешней памяти. Второй наиболее важной частью Холокоста стали массовые расстрелы в восточной Польше и Советском Союзе. Их начали *Einsatzgruppen SS*, которые в июне 1941 года расстреливали мужчин-евреев, затем, в июле, начали уничтожать еврейских женщин и детей, а в августе и сентябре приступили к поголовному истреблению еврейского населения. К концу 1941 года немцы (вместе с местными вспомогательными частями и румынскими войсками) убили около миллиона евреев в Советском Союзе и бывших прибалтийских государствах. Эта цифра равна общему количеству евреев, умерщвленных в Освенциме за всю войну. К концу 1942 года немцы (снова при содействии местных пособников) расстреляли еще 700 тысяч евреев, после чего на оккупированных советских территориях еврейское население просто исчезло.

ли *Einsatzgruppen SS*, которые в июне 1941 года расстреливали мужчин-евреев, затем, в июле, начали уничтожать еврейских женщин и детей, а в августе и сентябре приступили к поголовному истреблению еврейского населения. К концу 1941 года немцы (вместе с местными вспомогательными частями и румынскими войсками) убили около миллиона евреев в Советском Союзе и бывших прибалтийских государствах. Эта цифра равна общему количеству евреев, умерщвленных в Освенциме за всю войну. К концу 1942 года немцы (снова при содействии местных пособников) расстреляли еще 700 тысяч

евреев, после чего на оккупированных советских территориях еврейское население просто исчезло.

Таким образом, этапами Холокоста были операция "Рейн-хардт", массовые расстрелы на оккупированных территориях, Освенцим, или, рассуждая географически, Польша, Советский Союз и другие восточно-европейские государства. Из 5,7 миллиона уничтоженных евреев около 3 миллионов составили граждане довоенной Польши, еще один миллион — граждане довоенного СССР: в сумме это 70% общей численности. (За пределами Польши и Советского Союза наибольшее число евреев погибло в Румынии, Венгрии и Чехословакии. Если принять во внимание эти жертвы, восточноевропейский характер Холокоста становится еще более очевидным.)

Но даже этот подкорректированный образ Холокоста не передает в полной мере масштабов политики массовых убийств, осуществлявшейся немцами в Европе. "Окончательное решение", как его называли нацисты, первоначально было лишь одним из убийственных проектов, которые надлежало реализовать после победоносной войны против СССР. Если бы все шло, как ожидали Гитлер, Гиммлер и Геринг, немецкие силы запустили бы план под условным названием "Голод" в Советском Союзе зимой 1941–1942 годов. После того, как вся украинская и южнорусская сельскохозяйственная продукция начала бы поступать в Германию, около 30 миллионов жителей Белоруссии, северной России и советских городов оказались бы обреченными на голодную смерть. Этот замысел выступал только прелюдией генерального плана "Ост", предполагавшего колонизацию западной части Советского Союза и предусматривавшего уничтожение около 50 миллионов человек.

Политика, проводимая немцами, очень напоминала реализацию этих планов. Они изгнали полмиллиона поляков нееврейского происхождения с земель, аннексированных рейхом. Нетерпеливый Гиммлер отдал приказ приступить к осуществлению первой фазы генерального плана "Ост" в восточной Польше, в результате чего 10 тысяч польских детей были убиты, а 100 тысяч взрослых изгнаны. Вермахт неуклонно и последовательно умертвил голодом около миллиона людей в осажденном Ленинграде, а еще 100 тысяч скончались от спланированного немцами голода в украинских городах. Более 3 миллионов советских солдат умерли от истощения или болезней в немецких лагерях для военнопленных. Эти люди были уничтожены целенаправленно: как и в ситуации с блокадой Ленинграда, здесь вполне присутствовали и осознание последствий, и намерение уморить людей голодом. Если бы Холокоста не было, этот эпизод вспоминали бы как наихудшее военное преступление за всю новейшую историю.

Под предлогом борьбы с партизанами немцы уничтожили 750 тысяч человек, из них около 350 тысяч в одной только Белоруссии, и меньшее, но сопоставимое число в Польше и Югославии. В ходе подавления Варшавского восстания 1944 года немцы убили более 100 тысяч поляков. Если бы Холокоста не было, эти акции "возмездия" тоже могли бы рассматриваться как величайшие военные преступления. Но на деле подобные эпизоды — например массовую гибель советских военнопленных от голода — почти не вспоминают за пределами стран, которых они касаются напрямую. Немецкая оккупационная политика убивала гражданских лиц нееврейского происхождения и другими способами: например тяжелым трудом в концентрационных лагерях. И

снова здесь гибли преимущественно люди из Польши или Советского Союза.

В целом в ходе массовых расправ немцы уничтожили более 10 миллионов граждан, половину которых составляли евреи и другую половину — не евреи. И те и другие были в основном из одной части Европы. Проект уничтожения евреев был практически реализован; план истребления славян удалось выполнить лишь частично.

Освенцим — лишь предисловие к Холокосту, а сам Холокост — только намек на окончательные цели Гитлера. Романы Гроссмана "Все течет" и "Жизнь и судьба" смело повествуют о нацистском и советском терроре, напоминая нам о том, что картина немецкой политики массовых убийств по-прежнему остается неполной, как и история всех жестокостей, творимых в Европе середины XX века. Она упускает из виду то государство, разрушением которого был озабочен Гитлер, еще одну страну, также уничтожавшую людей в массовом порядке, — Советский Союз. В эпоху сталинизма, то есть между 1928-м и 1953 годом, вследствие советской политики погибли, по сдержанным оценкам, более 5 миллионов европейцев. Таким образом, выявляя совокупную численность гражданского населения Европы, погубленного тоталитарными режимами в середине XX века, следует учитывать три группы приблизительно равной величины: это евреи, убитые немцами, не евреи, уничтоженные немцами, и советские граждане, истребленные собственным государством. Как правило, германский режим убивал штатских, которые не были немецкими гражданами, в то время как советский режим убивал штатских, которые были собственными гражданами.

Советские репрессии ассоциируются с ГУЛАГом в той же степени, в какой нацистские репрессии — с Освенцимом. ГУЛАГ, невзирая на все ужасы рабского труда, не был системой массового уничтожения. Если мы исходим из того, что массовая гибель гражданских лиц является предметом нашей политической, этической и правовой озабоченности, ГУЛАГ и Освенцим надо оценивать по одному и тому же историческому критерию. Мы знаем о ГУЛАГе благодаря тому, что он представлял собой систему трудовых лагерей, но не набор учреждений, приспособленных для убийства. Через ГУЛАГ прошли около 30 миллионов, и 3 миллиона из них погибли. Но большинство людей брошенных в сталинские лагеря, вернулись назад живыми. Именно потому, что у нас есть книги, рассказывающие о ГУЛАГе, самая известная из которых "Архипелаг ГУЛАГ" Александра Солженицына, мы способны представить его ужасы — точно так же, как можем вообразить ужасы Освенцима.

В то время как Освенцим отвлекает внимание от гораздо больших ужасов Трешлипки, ГУЛАГ уводит прочь от советской политики, которая тоже преднамеренно и методично уничтожала людей голодом и расстрелами. Из всех убийственных акций, осуществленных Сталиным, две были наиболее значительными: это голод, вызванный коллективизацией 1930–1933 годов, и Большой террор 1937–1938 годов. До сих пор не ясно, был ли спланированным голод в Казахстане в 1930–1932 годах, хотя известно, что более миллиона казахов умерли тогда от недоедания. При этом практически не вызывает сомнений то, что Сталин намеренно морил голодом советских украинцев зимой 1932–1933 годов. В советских документах есть целая серия приказов, датированных

октябрем–декабром 1932 года, очевидно преступных и предполагавших целенаправленное уничтожение людей. В итоге более 3 миллионов жителей советской Украины расстались с жизнью.

То, что мы читаем о Большом терроре, также порой отвлекает нас от его истинной природы. Величайшими произведениями на эту тему считаются "Спящая тьма" Артура Кестлера и "Россия в горниле чисток" Александра Вайсберга. Обе книги концентрируют внимание читателей на незначительной группе жертв сталинизма — на городских коммунистических лидерах, образованных и иногда известных на Западе. Именно этот образ доминирует в нашем понимании Большого террора, но он некорректен, поскольку чистки в рядах партийной элиты, органов безопасности и офицерства унесли, как оценивается, 47 737 жизней.

Величайшая акция Большого террора, операция № 00447¹, была направлена преимущественно против кулаков, то есть крестьян, которые и без того подвергались гонениям во время коллективизации. Она унесла 386 798 жизней. Несколько национальных меньшинств, в совокупности представлявших менее 2% советского населения, составили более трети жертв Большого террора. Так, в операции, направленной против поляков, являвшихся советскими гражданами, были расстреляны 111 091 человек. Из 681 692 казней, осуществленных по приговорам, вынесенным за политические преступления в 1937–м и 1938 годах, на долю кулаков и представителей различных национальностей пришлось 633 955 жертв, то есть более 90%. Эти люди были расстреляны тайно, похоронены в безымянных ямах и забыты.

Сосредоточение на Освенциме и ГУЛАГе преуменьшает число убитых европейцев, смещая географический фокус совершенных тогда преступлений на германский рейх и русский Восход. Подобно Освенциму, который перемещает наше внимание на западноевропейские жертвы нацистской империи, ГУЛАГ, с его зловещими сибирскими лагерями, также отвлекает нас от подлинного географического центра советской политики убийств. Сконцентрировавшись сугубо на Освенциме и ГУЛАГе, мы упустили из виду то обстоятельство, что в 1933–1944 годах около 12 миллионов жертв нацистской и советской политики массовых убийств расстались с жизнью в особом регионе Европы, более или менее очерчиваемом современными границами Белоруссии, Украины, Польши, Литвы и Латвии. В целом же, размышляя об Освенциме и ГУЛАГе, мы склонны рассматривать создавшие их государства как современные тирании или тоталитарные режимы. Но подобное восприятие политической теории и практики Берлина и Москвы упускает из вида тот факт, что массовые убийства происходили преимущественно в тех частях Европы, которые расположены между Германией и Россией, — но не в них самих.

Географическим, моральным и политическим центром массовых убийств в Европе стал европейский Восток — прежде всего, Белоруссия, Украина, Польша и прибалтийские государства, на землях которых оба режима соревновались в жестокости. Народы Украины и Белоруссии — в первую очередь, евреи, но не только они — пострадали более остальных, поскольку населенные ими территории входили в состав Советского Союза в 1930–е годы и подверглись жесточайшим немецким репрессиям в 1940–е. Если Европу считать, как делает это Марк Мазовер, темным континентом, то Украина и Белоруссия были

самым сердцем тьмы.

Исторические подсчеты, которые могут рассматриваться в качестве объективных — например статистика жертв массовых убийств, — могли бы помочь восстановлению потерянного исторического баланса. Страдания немцев при Гитлере и в годы войны, хотя и впечатляющие по своим масштабам, пребывают на периферии истории массового уничтожения. Даже с учетом спасавшихся от Красной армии и погибших немецких беженцев, изгнания немецкого населения из Польши и Чехословакии в 1945–1947 годах и бомбардировок немецких городов авиацией союзников общее число немецких гражданских лиц, умерщвленных той или иной государственной властью, остается сравнительно небольшим (смотри историческую справку в конце этой статьи).

Главными жертвами прямой политики убийств, проводимой Гитлером в отношении немецких граждан, выступают 70 тысяч подвергнутых "эвтаназии" и 165 тысяч немецких евреев. Главными немецкими жертвами Сталина являются женщины, изнасилованные красноармейцами, и военнопленные, содержавшиеся в Советском Союзе. Около 363 тысяч немцев умерли от голода и болезней в советском плену; та же участь постигла, как считают, 200 тысяч венгров. Сегодня, когда немецкое сопротивление Гитлеру внутри самого рейха широко освещается средствами массовой информации, уместно напомнить, что некоторые участники покушения на фюрера в июле 1944 года непосредственно занимались массовыми убийствами. Так Артур Небе командовал *Einsatzgruppen B* в Белоруссии во время первой волны Холокоста в 1941 году, а Эдуард Вагнер, генерал-квартирмейстер вермахта, писал жене веселые письма о том, что голодающему населению Ленинграда надо бы вовсе прекратить доступ к продуктам питания.

Разумеется, нелегко забыть слова Анны Ахматовой: "Любит кровушку русская земля". Но мученичество и героизм русских людей, которые громогласно превозносятся в путинской России, необходимо поместить в более широкий исторический контекст. Действительно, советские русские, подобно прочим советским гражданам, тоже были жертвами сталинской политики. Но в процентном отношении их погибло меньше, чем советских украинцев, советских поляков или представителей других национальных меньшинств. Во время Второй мировой войны на территориях восточной Польши и государств Прибалтики, поглощенных Советским Союзом, произошло несколько акций террора. В наиболее известном случае 22 тысячи польских граждан были расстреляны в 1940 году в Катыни и четырех других местах; более 10 тысяч поляков и прибалтов умерли во время или вскоре после депортации в Казахстан и Сибирь. В годы войны многие советские русские были убиты немцами, но относительная численность этих жертв гораздо ниже той, которая пришлась на долю белорусов и украинцев, не говоря уже о евреях. Потери советских гражданских лиц приблизительно оцениваются в 15 миллионов жизней. Таким образом, среди общего числа гражданских лиц в России на каждые двадцать пять человек приходился один убитый немцами; на Украине (или в Польше) их жертвой стал каждый десятый, а в Белоруссии — каждый пятый.

Большую часть войны Белоруссия и Украина оставались оккупированными, а немецкие и советские армии проходили через их земли дважды, наступая и отступая. Немецким войскам не удалось

надолго оккупировать даже небольшую часть собственно территории РСФСР. Даже принимая в расчет блокаду Ленинграда и разрушение Сталинграда, гибель русского гражданского населения была менее масштабной, чем потери белорусов, украинцев и евреев. В преувеличенных российских данных о понесенных тогда потерях Белоруссия и Украина рассматриваются как части России, а евреи, белорусы, украинцы считаются русскими. Это — своеобразный "империализм мученичества", подспудно притязующий на территории, открыто присваивая погибших. Именно таким, по-видимому, будет курс, проводимый комиссией, созданной недавно президентом Дмитрием Медведевым для предотвращения "фальсификации" российской истории. Исходя из законодательных новаций, обсуждаемых сейчас в России, многие утверждения, содержащиеся в этой статье, можно будет считать предметом уголовного расследования.

Предпринимаемым Россией попыткам монополизации обшего страдания противодействуют украинские политики. Они пытаются опровергнуть устоявшийся в Западной Европе взгляд на украинцев как на пособников в уничтожении евреев. В противовес они предъявляют собственную историю страданий: миллионы украинцев, намеренно умерщвленных голодом при Сталине. Но президент Виктор Ющенко оказывает своей стране плохую услугу, настаивая на 10 миллионах погибших и значительно преувеличивая число жертв, хотя правдой остается то, что голод 1932–1933 годов на Украине был результатом целенаправленных политических решений и унес около 3 миллионов жизней. Если вынести Холокост за скобки, то спровоцированный коллективизацией голод можно признать величайшей политической катастрофой в Европе XX века. Коллективизация, однако, оставалась центральным элементом советской модели развития и позже была скопирована китайским коммунистическим режимом. Последствия оказались вполне предсказуемыми: 10 миллионов человек умерли от голода в годы проводимой Мао политики "большого скачка".

Гитлер и Сталин разделяли заинтересованность в Украине как источнике продовольственных ресурсов. Оба стремились к контролю над ней и эксплуатации украинской житницы, причем оба обращались к политике голода: Сталин — в стране в целом, Гитлер — в городах и лагерях для военнопленных. Некоторые из украинских узников, голодавшие в лагерях в 1941 году, пережили голод 1933-го. Немецкая политика голода частично ответственна за то, что украинцев считают пособниками организаторов Холокоста. Действительно, самыми бесчеловечными коллаборационистами были украинцы, служившие охранниками в лагерях смерти — в Трешливе, Белцеке и Собиборе. При этом почти никогда не вспоминают, что немцы рекрутировали таких людей из попавших в плен советских солдат в собственных лагерях для военнопленных. Они предлагали некоторым спасение от убийства голодом на Востоке только для того, чтобы сделать их соучастниками другого преступления — Холокоста.

История Польши — источник бесконечной путаницы. В 1939–1941 годах Польша была атакована и оккупирована не одним, но двумя тоталитарными государствами. Как нацистская Германия, так и Советский Союз, выступавшие тогда союзниками, совместно эксплуатировали ресурсы этой страны и истребляли ее интеллигенцию. В годы Второй мировой войны польская столица стала местом не одного, но двух крупных восстаний против немецкой оккупации: восстания в

варшавском гетто в 1943 году, после чего его сравнивали с землей, и Варшавского восстания, поднятого в 1944 году силами Армии Крайовой, после которого были разрушены остатки города. Эти два важнейших примера сопротивления и массового уничтожения постоянно путаются друг с другом в немецких СМИ. Так было в августе 1994-го, 1999-го и 2004 годов — в каждую пятую годовщину Варшавского восстания 1944 года. То же самое произошло и в августе 2009 года.

Если в современной Европе и есть страна, выпавшая из текущего времени и зажатая в объятиях прошлого, то это, безусловно, Белоруссия под авторитарным руководством Александра Лукашенко. И все же, даже несмотря на то, что в настоящий момент белорусский лидер предпочитает игнорировать массовые захоронения советского времени, предлагая проложить скоростную магистраль над траншеями смерти в Куропатах, в некоторых отношениях Лукашенко помнит европейскую историю лучше, чем его критики. Умерщвляя советских военнопленных голодом, расстреливая и отравляя газом евреев, уничтожая гражданское население в антипартизанских акциях, немецкие войска в 1941–1944 годах сделали Белоруссию самым смертоносным местом на планете. Половина населения советской Белоруссии тогда была либо убита, либо насильственно выселена: ни о какой другой европейской стране нельзя сказать ничего подобного.

Белорусские воспоминания об этом опыте, культивируемые нынешним политическим режимом, помогают понять подозрительное отношение к инициативам, идущим с Запада. Тем не менее, многие жители Западной Европы были бы удивлены, узнав, что Белоруссия выступала не только эпицентром массовых убийств, происходивших в то время на континенте, но и оплотом партизан-антифашистов, которые делом способствовали победе союзников. Поразительно, что такую страну можно полностью вытеснить из европейской культуры памяти. Выпадение Белоруссии из нынешних дискуссий о прошлом — чистейшее свидетельство различия между памятью и историей.

Не менее беспокоит и отсутствие в них экономического измерения. Хотя история массовых убийств напрямую связана с экономическими калькуляциями, наша память старается обходить стороной все, что способно представить убийство рациональным поступком. Между тем, нацистская Германия и Советский Союз сообща следовали курсом экономической самодостаточности. Германия желала подкрепить свою тяжелую промышленность аграрной утопией на востоке, а СССР, стремясь к преодолению сельской отсталости, проводил быструю индустриализацию и урбанизацию. Оба режима считали идеальной экономическую автаркию большой империи, в пределах которой оба хотели контролировать Восточную Европу. Оба рассматривали польское государство как историческое недоразумение. Оба считали Украину и ее богатые почвы чем-то совершенно незаменимым. Они по-разному определяли врагов своих намерений, хотя немецкий план, предполагавший уничтожение каждого еврея, по своей тотальности не имел аналогов в советской политике. Но принципиальным моментом, объединявшим два режима, было то, что легитимировавшая массовые убийства идеология выступала так же и определенным видением экономического развития. В мире скудости — в частности продуктовых запасов — оба режима сочетали массовое убийство с экономическим планированием.

Это делалось способами, ужасающими и вопиющими с точки зрения людей, живущих сегодня, но в то время способными мотивировать многих. Пища больше не является дефицитом, по крайней мере на Западе. Но других ресурсов по-прежнему не хватает или будет не хватать завтра. В XXI веке мы столкнемся с нехваткой питьевой воды, чистого воздуха и доступной энергии. А изменение климата может вновь возродить угрозу голода.

Если из истории массовых убийств можно извлечь политический урок, то он будет заключаться в следующем: нам нужно быть крайне осторожными с тем феноменом, который называют "привилегированным развитием" — то есть с попытками государств осуществлять такие формы экономической экспансии, которые подразумевают жертвы и обеспечивают процветание людскими потерями. Нельзя исключать возможность того, что убийство одной группы людей окажется выгодным для другой — или, по меньшей мере, покажется таковым. Именно такой была версия политики, которую Европа однажды уже переживала и с которой может столкнуться вновь. Единственным адекватным противодействием этому выступает нерушимая этическая приверженность индивидуальному началу, причем в форме индивидуальных жизней, а не индивидуальных смертей. Только таким образом описанные выше схемы будут отвергнуты навсегда.

Опыт современной Европы примечателен, прежде всего, соединением процветания с социальной справедливостью и уважением прав человека. Скорее всего, она более любой другой части мира гарантированно защищена, по меньшей мере на обозримую перспективу, от бесчеловечно инструментальных программ экономического роста. И все же память делает порой странные отступления от истории, причем в такие моменты, когда история особенно востребована. Недавнее прошлое Европы вполне может оказаться ближайшим будущим для остального мира. Это одна из причин для того, чтобы окончательно рассчитаться с прошлым.

Справка: изгнание немцев с Востока

Из 12 миллионов немцев, которые бежали или были изгнаны из Восточной Европы в конце войны, подавляющее большинство покинуло Чехословакию (3,5 миллиона) и Польшу (7,8 миллиона). Вторая из этих групп оставляла территории, отобранные у побежденного рейха и переданные Польше союзниками. Около половины из этих 12 миллионов бежали самостоятельно, а около половины были депортированы, хотя точное соотношение выяснить невозможно, поскольку некоторые из беженцев позднее возвращались назад, а потом подвергались депортации.

В конце 1944-го — начале 1945 года около 6 миллионов немцев бежали, спасаясь от наступающей Красной армии; именно в этот период погибла большая часть из 600 тысяч убитых немецких беженцев. Многие из них просто оказались зажатыми между двумя воюющими армиями, другие умерли в советских лагерях. Убийства совершались также чехами и поляками. Прямую ответственность за эти смерти несет Гитлер, так как германские власти не смогли организовать своевременной эвакуации гражданского населения.

Послевоенные депортации немцев, оказавшиеся непосредственным результатом развязанной Гитлером войны, были совместным чехословацким, польским, советским, британским и американским проектом. В военные годы находящиеся в изгнании лидеры оккупированных Польши и Чехословакии выражали желание сократить численность немецкого населения, и союзники соглашались с тем, что после победы немецкое население должно быть перемещено. Уинстон Черчилль рекомендовал проведение "чистки", а Контрольный совет союзников принял официальный план переселения 6 миллионов немцев.

Таким образом, некоммунистическое правительство Чехословакии, желавшее изгнать немцев, заручилось согласием не только Сталина, но также Черчилля и Рузвельта. Хотя Польша находилась под советским контролем, выселением немцев занялось бы любое польское правительство. Польские коммунисты приняли предложение Сталина о максимальном переносе границ Польши на запад, а это подразумевало изгнание большего числа немцев, чем намеревались выселить польские политики-демократы. Это, кстати, влекло за собой и депортацию поляков из восточной части довоенной Польши, которую аннексировал Советский Союз. Около миллиона этих польских изгнанников обосновались на землях, с которых предварительно были выселены немцы.

С мая по декабрь 1945 года польские и чехословацкие власти выгнали за пределы собственных границ около 2 миллионов немцев. С января 1946 года, по мере того как поляки и чехословаки продолжали выдавливать немецкое население, британские, советские и американские силы договорились организовать прием изгнанников в соответствующих оккупационных зонах в Германии. В 1946-м и 1947 годах в советскую зону прибыли чуть более 2 миллионов немцев, в британскую зону — около 1,2 миллиона, в американскую зону — около 1,4 миллиона. Депортации, правда, вялыми темпами продолжались и позднее.

Хотя это изгнание было примером коллективной ответственности и сопровождалось отвратительным обращением с людьми, уровень смертности среди немецких гражданских лиц — 600 тысяч из 12 миллионов — несопоставим с количеством жертв других описанных выше событий. Оказавшись в жерновах ужасной войны, которая велась от их имени, и пострадав от консолидированного решения союзников по поводу изменения границ и депортаций, эти немцы все же не были жертвами сталинской политики, сопоставимой с Большим террором или массовым голодом.

---

¹ Речь идет о масштабных репрессиях, начало которым положил приказ НКВД от 30 июля 1937 года "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов", подписанный народным комиссаром Николаем Ежовым и утвержденный ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 года. — Примеч. перев.